

Michal'čuk, Tamara Grigor'jevna

Русский национальный характер в аспекте этикетных форм

Opera Slavica. 2005, vol. 15, iss. 2, pp. 7-16

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117744>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В АСПЕКТЕ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМ

Тамара Михальчук (Могилев)

Творческое мышление В.М. Шукшина занимал русский национальный характер. В произведениях писателя наиболее полно отображена народная речевая культура. Ее особенности определяются слабой социальной, темпоральной и пространственной расчлененностью сельского общения, тонкой дифференциацией в народной речи ролевых и межличностных отношений, особой ролью фольклора.

«Речевое поведение героев Шукшина – это эмоции, действия, поступки русского человека, обусловленные ситуацией общения. В ходе взаимодействия героям Шукшина приходится «проигрывать» широкий репертуар ролей. «Игровое» начало присутствует практически в каждом рассказе писателя, влияя на развитие сюжета, на поведение персонажей. Выделяются половозрастные, семейные, профессиональные роли, которые играют его персонажи и в которых выявляются их психологическое состояние» [1, с.220]

Герои рассказов и повестей В. Шукшина – по преимуществу люди простые, деревенские или выходцы из деревни.

Шукшин в принципе любит деревенских: «Вообще добрых, простодушных, бесхитростных, бескорыстных... по деревням и селам навалом...» (Выбираю деревню на жительство, 57).

«Ни городской до конца» и «ни деревенский уже», замечательный русский писатель поставил в центре своего творчества заботы и печали сельского жителя. Его герой – одинокий человек с мятущейся душой и нерастраченной щедростью сердца. Наивный и искренний «чудик» не находит понимания среди людей, поглощенных материальными проблемами. И потому начинает «куролесить», вызывая еще большее неприятие окружающих, что неизбежно порождает конфликт. В рассказах В.М. Шукшин последовательно проводит мысль о том, что «чудики» не могут найти свое место в этой жизни» [2, с. 66]

С другой стороны, в его произведениях вырастает картина городской жизни малокультурных слоев населения, граждан без глубоких духовных запросов, ухвативших случайные элементы современной культуры (что не мешает им считать себя людьми «на высоте»).

Автор исподволь ведет диалог с читателем о вежливости и грубости, культуре и хамстве. Писатель вовсе не считает сельского жителя лучше, он с горечью признает: «Городские, те как-то умеют, собаки, и культуру свою показать, и никого не унижить. Он с тобой, наоборот, первый поздоровается» (Алеша Бесконвойный, 326).

Рассмотрим один из диалогов рассказа В. Шукшина «Непротивленец Макар Жеребцов»: – Иван!.. Иванов-то ничего осталось – ты да Ваня-дурачок в сказке. Умру – не дам Ванькой назвать! Сам как Ваня-дурачок... – Сама ты дура! Счас в этом деле назад повернули, к старому. Посмотри в городах...

Чао Шуансинь, анализируя этот диалог, отмечает: «Китайцу будет совершенно непонятным предложение сельского жителя обратиться к жизни горожан как к положительному примеру, примеру для подражания. У китайских сельских жителей никаких комплексов по отношению к горожанам нет; они уважают горожан, но у них есть «собственная гордость» [3. с.89]

В то же время Шукшину больно за обиду, нанесенную деревенским в городе.

Ср. рассказ «Выбираю деревню на жительство»: «Ну вот уж чего не понимали деревенские в городе – это хамства. Кричат друг на друга, злятся. Продавщицу не спроси ни о чем, в конторах тоже, если чего не понял, лучше не переспрашивай, так глянут, так тебе ответят, что дай бог ноги» (58).

Игнатий Пономарев, вспоминая о В. Шукшине, рисует такую сценку: «Заходим в продовольственный отдел торгового центра, и вскоре портфель становится пузатым от бутылок минеральной воды, «Варны», хлеба, колбасы и другой снеди. – Теперь бы еще шашлыка взять, – говорит Василий, и мы проходим в кулинарию. В ней безлюдно. За прилавком, глядя в зеркальце, пудрится молодая толстуха с капризным ртом в фиолетовой помаде. – Здравствуйте, – говорит Василий. – Взвесьте нам, пожалуйста, килограмм шашлыка. – А чего это вы мне – «здрассте»? – ни с того, ни с сего надувается толстуха. – Что я вам – знакомая или вы на квартиру ко мне пришли – «здрассте»-то говорить? – По-моему, из вежливости, – отвечает Шукшин. – «Из вежливости!» – Толстуха капризно фыркает. – Я одна, а вас тут тысячи... Если каждому на вашу вежливость отвечать – язык отвалится» [4, с. 84-85]

Таким образом, в произведениях В. Шукшина вырастает тема овладения культурой, в том числе культурой поведения и общения. Тяга писателя к доброму, прекрасному, разумному осуществляется все больше путем отталкивания от негативного жизненного материала.

Разные культурные модели поведения, реально сосуществующие в жизни, сопоставляются и осмысленно оцениваются по цепочке «персонажи – автор – читатель».

Повесть В. Шукшина «Точка зрения» интересна тем, что сопоставление разных моделей поведения ложится в основу композиции произведения. Разыгрываются два варианта сцены сватовства, причем, первая – глазами Пессимиста, который видит советских людей откровенными хамами и скандалистами, а вторая – глазами Оптимиста, где все персонажи начинают вести себя строго по канонам официальной советской морали. Свадьба расстраивается от того, что жениха уличают в радости по поводу приобретения автомобиля. Автор намекает на предпочтение третьей, нормальной модели поведения.

В развертывании сюжета своих рассказов и повестей В. Шукшин показывает, как непривычка, неумение или нежелание героев выполнять стандартные требования этикета является для них постоянно действующим конфликтным фактором.

Писатель, отставив свои морально-этические идеалы, погружается в анализ негативного жизненного материала, а его герои своей воинствующей бескультурностью сближаются с персонажами из произведений М. Зощенко 20-30-х годов.

Герои В. Шукшина в основном невыдержанны и непоследовательны в соблюдении правил этикета, что постоянно ввергает их в пучину бытовых конфликтов.

Бывший влюбленный и муж устраивают драку у гроба умершей женщины («Осенью»). Ванька Тепляшин взрывается против хамства вахтера (Ванька Теплятин) и уходит из больницы.

Столкновение норм поведения городских и деревенских, стариковских и молодежных показывает уязвимость в действии тех и других. В рассказе «Критики» дед по-своему резонно осуждает обычаи открытой демонстрации любовных чувств, обижается на то, что дети не принимают его всерьез и даже не хотят сажать за один стол с собой, но протест он выражает диким способом: запускает сапогом в телевизор, где, по его мнению, жизнь показывается фальшиво.

«Импульсивность героя-«недогматика» («не посаженного на науку поведения» – В. Шукшин) обуславливает то, что «крайнюю ситуацию» зачастую организует агрессия и реакция на неё. Писатель изображает как физические, так и речевые (оскорбления, угрозы и др.) агрессивные поступки. Поскольку основу рассказов В. Шукшина составляют диалоги персонажей и их диалогизированная «внутренняя речь», большую роль в его произведениях играет «вербальная агрессия». Она придает коммуникации конфликтную тональность» [5. с.16]

Проанализируем художественное использование писателем формул речевого этикета на материале типовых ситуаций «Приветствие», «Прощание», «Благодарность», «Извинение», «Согласие» и «Отказ», «Обращение».

Форма приветствия у В. Шукшина характеризует говорящих в социально-культурном плане, варьируясь по стилистической и эмоционально-экспрессивной окраске. Ср.: Привет! Здравствуйте! Здорово. Добро пожаловать! Вечер добрый! Доброе утро. Доброе утречко: – Привет, Горе. – Здорово (Калина красная, 400). – Здравствуйте, бабушка! – поприветствовал ее инженер. – Здорово, милоч (Упорный, 350).

Выбор форм обращений в составе приветствий отражает специфику коммуникативно-социальных («ролевых») отношений говорящего к адресату речи (возраст, пол, степень родства и близости общающихся). Ср.: Вошел пожилой Гражданин с энциклопедией в руках: – Добрый вечер, товарищи! [Отец невесты:] Здорово, сосед! [Мать невесты:] Здравствуйте, Семен Кузьмич! [Невеста:] Здравствуйте, дядя Семен! (Точка зрения, 468).

Диалог показывает, что один и тот же человек выполняет несколько социальных ролей.

В письме малограмотной деревенской старухи (рассказ «Письмо») отражается такая черта простонародного этикета, как тщательное обозначение близких по их родственному статусу (что является избыточным в литературном этикете, т. е. достаточно одного компонента: «Дочь моя» или «Катя!»): «Вечером старуха села писать письмо дочери. Решила написать большое письмо, поучительное: «Добрый день, дочь Катя, а также зять Николай и ваши детки, Коля и Светычка, внучатки мои ненаглядные» (48).

Однако в дальнейшем старуха не соблюдает норм этикета, обрушивается на зятя с обвинением и угрозой: «Я вот жду вас, жду не дожусь, а если б ты опять приедешь такой задумчивый, то огрею шумовкой по голове, у тебя мысли-то и перестроютца» (50).

Итак, старуха Кандаурова начинает письмо с приветствия в духе простонародного этикета. Но у нее с этикетностью не все в порядке. Сомнительны советы дочери, как перевоспитать угрюмого мужа: под угрозой измены и милиции. Прямое обращение к зятю тоже содержит возможность углубление конфликта.

«Здравствуйте» может означать эмоциональное недовольство (синонимами являются выражения «Еще чего!», «Еще не хватало!») через констатацию неожиданности. А если после этого «псевдоприветствия» употребляются «Прощайте» или «До свидания», создается каламбур, например: – Угол снимать где-нибудь. – Здравствуйте! – Прощайте, – жестко сказал Простой человек... (Энергичные люди, 542).

Обращение при приветствии у Шукшина тоже может каламбурно переосмысляться: – Здорово, орлы! – приветствовал он всех. И отдельно Щеблетову: – Но не те, которые летают, а которые ... это самое клюют» (Ораторский прием, 219).

Особенностью русских этикетных формул приветствия является их парность (приветствия распадаются на инициальную и ответную реплику).

В русском языке большинство приветствий по внутренней форме – это пожелание блага: здравствуйте, т.е. будьте здоровы, здравия желаю! (военное приветствие).

Приветствия ситуативно-специализированы, ответная реплика может содержать приглашение: [Отец Невесты:] – Вечер добрый! [Мать Невесты:] – Добро пожаловать! [Дед:] – К нашему шалашу! (Точка зрения, 484).

«Движения, сопровождающие приветствие «Здравствуйте!» этикетно обусловлены (как и само Здравствуйте!) и относятся к паралингвистике. Тесная связь явлений, изучаемых паралингвистикой, и явлений этикета очевидна» [6, с. 546]

Паралингвистические знаки общения, включая жесты, мимику и своеобразные интонационно-тембровой окраски голоса, выступают или как дополнительные, или как самостоятельные средства выражения чувств, мыслей.

В. Шукшин дает многообразные описания жестов и мимики героя. Известно, что «жест, являясь значимым невербальным сигналом, может замещать довольно сложную реплику» (Формановская, 1986, 14). Ср.: – Здравствуйте! – приветливо сказал Егор. Старики в ответ только кивнули (Калина красная, 414). Чисто жестовый ответ на приветствие в данном случае говорит о сдержанности, неохотности вступления в контакт.

Паралингвистические знаки описываются автором в ремарках, сопровождающих диалог или повествование, и притом часто весьма детально: – Здравствуйте, – сказал он вежливо и наигранно застенчиво. И подал руку. – Георгий. – И пожал с чувством крепкую крестьянскую руку. И – на всякий случай – тряхнул ее, тоже с чувством. – Люба. – Женщина просто и как-то задумчиво глядела на Егора (Калина красная, 408).

В авторской ремарке проясняется эмоциональное настроение и склонность-ненаклонность говорящего к коммуникативному контакту. Ср.: – Здравствуй! – сказал Моня. – Здравствуй! – не сразу откликнулся инженер. И глянул на Моню неодобрительно: Наверно не понравилось, что с ним на «ты» (Упорный, 346). – Доброе утро! – сказал Моня, остановившись у изгороди. И смотрел на инженера мирно и весело. – Здорово! – откликнулся инженер (Там же, 354).

Писатель употребляет в основном глаголы эмоционально-оценочной характеристики речи (это глаголы IV разряда по классификации Е.Н. Васильевой [7, с.251]), например: *воскликнул, буркнул, промывчал, проворчал* и т. д.

«Пустой» глагол речи типа *сказал, ответил* конкретизируется обстоятельством, характеризующим прагматическую установку: *ласково, кротко, благостно, приветливо, весело, снисходительно*. Например: – *Здравствуйте, тетя Нюра!* – ласково сказал электрик. – *Доброе утречко!* (А по утру они проснулись, 562); – *Здравствуйте, – не очень приветливо говорит мужик* (Из детских воспоминаний Ивана Плахова).

Ср.: объединение характеристики эмоциональности и характера контактности: – Здравствуйте, Вера Сергеевна! – приветствовал ее, появляясь в дверях, Брюхатый. Он улыбался. – Здравствуйте, – с некоторым вызовом сказала Вера Сергеевна (Энергичные люди, 523).

Паралингвистический комментарий у В. Шукшина может по объему значительно превосходить саму стандартную формулу приветствия: «Пришел он домой, а дома, в прихожей избе, склонившись лотком на стол, сидит... Николай-Угодник. Сидит, головку склонил, смотрит ласково. – Ну, здравствуй, Тимофей, – говорит. Тимофей глянул кругом... И вдруг бухнулся в ноги старику. И, стараясь тоже ласково, тоже кротко и благостно, сказал тихо: – Здорово, Николай-Угодник. Я сразу узнал тебя, батюшка» (Билет на второй сеанс, 361).

В произведениях Шукшина используются различные по стилистической окраске **формы прощания**: нейтральная «До свидания», разговорно-непринужденные «Счастливо», «Будь здоров», «Давай», например: – До свидания, отец, спасибо. – Давай (Охота жить, 217). – Скажи, что я ушел в гостиницу. А завтра

– домой. – Счастливо. – Костя пожал крепкую ладонь девушки. Задержал ее в своей руке. Нина улыбнулась, отняла руку, еще сказала: Счастливо. – И пошла (Хахали, 95).

Экспрессивное варьирование ответной части прощания происходит при переносе пожелания на партнера: – Будь здоров, Иван Петров! – сказал Ванька. – Сам будь здоров. Попросил бы врача-то, может, оставют. Зря связался с этим дураком-то (Ванька Тепляшин, 376).

Шукшин часто комментирует тон, который сопровождает этикетную реплику, отражая тем самым характер взаимоотношения говорящих: Ванька весело со всеми попрощался, пожелал всем здоровья и с легкой душой поскакал вниз (Там же, 376). Встал и бесцветным, тусклым голосом сказал: – До свиданья (Штрихи к портрету, 240).

Глагол речи «подосвиданькались» характеризует со стороны автора стилистическую манеру персонажа: «Подосвиданькались довольно жестко» (Там же, 421).

Базовыми формулами выражения благодарности является нейтральное «спасибо» и, с оттенком книжности и эмоциональной сухости, «Благодарен»: Вот спасибо-то! Спасибочко за совет (за добрые слова, за науку). Очень благодарен: – Может, вернусь, может, нет. – Спасибо за правду, Егор (Калина красная, 426).

Ответом на благодарность является обычно «на здоровье» или используются какие-либо формулы преуменьшения своей заслуги (не за что, ничего не стоит и под.). Ср.: Официант даже растерялся... – Очень благодарен, очень благодарен... – Ерунда, – сказал Егор (Калина красная, 430). – Спасибо за капсули. – На здоровье (Нечаянный выстрел, 128). – Ты вот что: съезди к тому милиционеру, может, не так уж он его и зашиб-то. Хотя вряд ли... – Вот спасибо-то тебе, ангел ты наш, вот спасибо-то. – Да не за что... (Материнское сердце, 189).

«Благодарность» у Шукшина может употребляться в качестве «несогласия», при этом имеет оттенок обиды, гнева, раздражения. Например, ложная благодарность: «Петькин отец все-таки одолел деда, заложил ему руки назад и стал связывать полотенцем. – Удосужил ты меня, удосужил, родитель, – зло говорил он, накрепко стягивая руки деда. – Спасибо тебе» (Критики, 80).

В текстах Шукшина находят отражение фразеологизированные обороты выражения благодарности, например, такие, как следующий устойчивый оборот, имеющий в речи персонажа иронический оттенок: Ганя долго сидел молча, смотрел мимо председателя: «Сказал: – Спасибо нашей дорогой Советской власти» (В воскресенье мать-старушка, 366).

Выражение благодарности может сопровождаться паралингвистическим авторским комментарием: Парень благодарно смотрел на старика и еще старался, наверно, чтобы благодарности в глазах было больше. – Спасибо, отец. – Чего спасибо? Как я ружье-то получу? (Охота жить, 216).

В. Шукшин заменял глаголы «благодарить», «просить» словосочетаниями «смотрел благодарно», «сказал просительно». Ср.: расщепление глагола «поблагодарить» на «кинуться с благодарностями» в авторском комментарии: – По-

дойдите к кассе номер три и возьмите билет, – сказал басок. – Вот спасибо-то! Кинулся Егор с благодарностями. – А то я уже стал сомневаться... (Как зайка летал на воздушных шариках, 38).

Во вторичной коммуникативной функции извинение используется для завязывания контакта, для получения информации и т.д. Ср.: Я прошу извинить меня, – заговорила она, склоняясь к Егору. – А почему именно весной? (Калина красная, 448).

В реплике извинения возможны речевые приемы усиления прагматичности высказывания: ссылки на необдуманность, ошибочность своего поведения, указание на его несоответствие уважительному отношению к адресату речи: – Извини, Назаров, – сказал он. – Я не хотел... черт его знает, затемнение какое-то... (А по утру они проснулись, 578).

Вместе с формулами извинения употребляются различные обращения, усиливающие контактность, например: Иван, извини... (Раскас, 261).

В шукшинских диалогах происходит столкновение вежливых этикетных литературных форм с грубыми просторечными. Языковое щегольство персонажей проявляется в том, что писатель использует в их речи каламбурно-переосмысленные, жаргонизированные обороты: – Простите, сэр, это велосипед (Сильные идут дальше, 310). Бронька наводит на жену строгий злой взгляд. Говорит негромко, с силой: – Миль пардон, мадам... Счас ведь врежу!.. (Миль пардон, мадам, 156). Потом не вытерпел и сказал: – Я дико извиняюсь, но вы, мамаша, тоже неправильно выражаетесь: «Вы, например, сказали: «Прижми хвост». Я не согласен» (Точка зрения, 472). Прошу пардона (Калина красная, 426).

Стилистические смещения и противопоставления являются отображением реального.

Прямое отношение к вежливости имеет выбор писателем форм согласия со стилистической окраской разговорности, книжности, просторечности. Встречаются у Шукшина и диалектные формы согласия. Так, наряду со стилистически нейтральными («Верно», «Правильно», «Конечно», «Точно», «Пожалуйста») отдельные персонажи употребляют разговорные («Ага», «Ладно», «Так-так», «Ну да») или диалектные («Но» в значении «Да», «Знамо дело»). Например: – Кержак... Стал бы с тобой кержак водку пить. – Это верно (Охота жить, 205). – Так? – Совершенно точно! (Мастер, 299). – Вы в командировку, что ли? – спросила она. – Ага. Надо... (Хахали, 89). – Это я еще помню, подсказал Григорий. – А, ну да, – согласился Максим (Наказ, 102). – У нас – змеи. – Гадюки? – Но. Да большие (Хахали, 90). – Перестань! – резко оборвал парень. Он тоже как-то странно отрезвел. – У меня своя голова на плечах. – Это знамо дело, – согласился Никитич (Охота жить, 204).

В. Шукшин применяет стилистический прием использования военно-уставных форм в функции согласия в бытовых ситуациях или юмористическое «разыгрывание подчиненности», например: – С похмелья? – полюбопытствовал Наум. – Так точно, ваше благородие! (Волки, 115) – Разрешите идти? –

Солодовников прищелкнул каблуками, улыбнулся своей доверчивой, как он сам ее назвал, улыбкой. – Разрешаю (Шире шаг, маэстро, 162).

Шукшиным вводится авторская коррективка речи в аспекте модальной правдивости. (Аналоги этому широко представлены в произведениях Л.Н. Толстого, А.А. Фадеева). Ср.: – Все играешь, Славка? – спросил дядя Володя. – Играет! – встряла мать. – Приходит из школы и начинает. Надоед уж... В ушах звенит. Это была несусветная ложь: Славка изумлялся про себя. – Хорошее дело, – сказал дядя Володя. – В жизни пригодится (Вянет, пропадает, 70).

В. Шукшин в основном использует вежливые формы отказа. Вежливый отказ обычно снабжается мотивировкой: – Может, ужинать с нами? – спросила мать Невесты. – Благодарственны, – сказал отец жениха. – Мы по делу к вам (Точка зрения, 471).

При вежливом отказе употребляются, как правило, формулы благодарности и обращения, например: – А что, не зайдешь-то? – крикнул Егору с крыльца. – Иди чайку стакан выпей! – Спасибо, батя! Не хочу (Калина красная, 443).

Рассмотрим обращения «ты» и «вы» у Шукшина. Тут необходимо учитывать «отношение лиц, занимающих одно и то же положение в служебной иерархии. Это отношение является симметричным, что отражается в правилах речевого этикета. Лица, связанные этим отношением, в зависимости от узуса, принятого в коллективе, обращаются друг к другу либо с формой множественного числа, либо с формой единственного числа» [8, с.273]

В качестве примера приведем рассказ В. Шукшина «Упорный». Его герой, совхозный шофер Моня, изобрел вечный двигатель и захотел рассказать об этом инженеру РТС.

«... Моня пошел в гараж, по дороге решил зайти к инженеру РТС Андрею Николаевичу Голубову, молодому специалисту. Он был человек приезжий, толковый, несколько мрачноватый, правда, но зато не трепач. Года два Моня с ним общался, инженер ему нравился. Инженер был в огаде, возился с мотоциклом. – Здравствуй! – сказал Моня. – Здравствуй! – не сразу откликнулся инженер. И глянул на Моню неодобрительно: наверное, не понравилось, что с ним на «ты». «Переживешь», – подумал Моня. – Молодой еще».

В этом отрывке Моня обращается к инженеру на «ты» и в связи с возникшей заминкой при ответе поясняет выбор этой формы обращения: «молодой еще». Таким образом, очевидно, что в данном акте общения для Мони предпочтительным было отношение возраста. Поскольку и Моне, и инженеру, судя по рассказу, меньше двадцати пяти лет, то это дает Моне основание отнестись к себе, и инженера к классу младших и соответственно обратиться к инженеру на «ты». Что касается отношений интимности и служебного положения, то они в данном случае не принимаются в расчет.

В произведениях В. Шукшина довольно широко представлен так называемый «новый звательный» падеж типа *Валерк! Сергунь! Зой! Аксют! Мань! Маманьк! Грунь! Парнишк!* По справедливому мнению В. П. Проничева [9, с. 182] это яркая примета живой разговорной речи.

В тексте В. Шукшина обращения способствуют установлению контакта между героями, передают эмоционально-психологическое состояние персонажей [10, с. 151]

Таким образом, в рассказах и повестях В. Шукшина этикетное поведение персонажей выполняет лично-характеризующую, экспрессивно-изобразительную и идейно-художественную функцию.

«Идеалом национального характера у Шукшина выступает мужчина, сохранивший духовные ценности, непрактичный; со стороны он кажется странным – чудиком. Стихийность и меркантильность обычно оцениваются негативно, они связаны с женщинами и с новым типом практического человека, враждебны национальному идеалу» [11, с. 130]

Использование писателем формул речевого этикета тщательно продумано и опирается на великолепное владение всем богатством форм русского национального языка, особенно у изображаемого им состава персонажей.

В. Шукшин использует этикетные формулы оригинально, остроумно, со специальным стилистическим заданием, мастерски применяя при этом различные стилистические приемы: каламбурное пересмысление этикетных формул, фразеологизированные этикетные выражения, стилистические смещения и противопоставления и др.

Большую роль в произведениях В. Шукшина играет авторский комментарий к прямой речи персонажей, которые помимо «технической» функции указания на принадлежность речи дает эмоционально-психологическую оценку состояния говорящего, вносит подробную информацию о паралингвистических аспектах речевого действия, а также модальную верификацию речи персонажа.

В наиболее употребительных речевых ситуациях «Приветствие», «Прощание», «Благодарность», «Извинение», «Согласие и отказ», «Обращение», рассмотренных нами в произведениях В. Шукшина, ярко отражена самобытность, национальная специфика формул речевого этикета.

Писатель применяет развернутую структурную парадигму форм речевого этикета, присущую как литературному языку, так и разным вариантам социально-групповой и диалектной речи, умело выбирая наиболее отвечающую речевой достоверности и художественной выразительности.

Произведения В. М. Шукшина переведены на многие языки мира. Особую популярность творчество Шукшина получило в Германии, Чехии, Польше, Китае. Китайские читатели проявляют большой интерес к творчеству В. Шукшина. «Творчество этого писателя, особенно его рассказы, привлекают читателей в Китае подлинным гуманизмом, интересом к человеческой душе, стремлением показать, что представляет собой так называемый простой человек в действительности – сложный мир, необъятная Вселенная, малоизученная и загадочная» [12, с. 88]

В. М. Шукшин жил и воспитывался в атмосфере народной жизни, поэтому психологически точно изображает мир своих героев. В его рассказах глубоко и правдиво раскрываются особенности характера русского человека. В речи шук-

шинских героев отражается не только личность, но и среда, сформировавшая этот характер и его речевое, в том числе и этикетное поведение.

Литература:

- ХИСАМОВА Г. Г.: О национально-культурной специфике речевого поведения персонажей рассказов В. М. Шукшина // Русский язык и культура (изучение и преподавание) – тезисы научной конференции. М.: Эком, 2000.
- ФРОЛОВА Е. А.: Контраст в киноповести В. М. Шукшина «Калина красная» // Русский язык в школе, № 4, 1999.
- ЧАО ШУАНСИНЬ: Трудности восприятия текстов В. Шукшина китайскими читателями (некоторые наблюдения). // Русский язык за рубежом, № 3-4, 2000.
- ФОРМАНОВСКАЯ Н. И.: Культура общения и речевой этикет. – М., 2002.
- БАЙРАМУКОВ Р. М.: Речевой акт угрозы в рассказах В. М. Шукшина // Провинциальная экзистенция. К 70-летию со дня рождения В. М. Шукшина // Тезисы докладов V Всероссийской конференции 21-23 июня 1999 – Барнаул, 1999.
- ПАПП ФЕРЕНЦ: Паралингвистические факты. Язык и этикет // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XIV, – М.: Прогресс, 1985.
- ВАСИЛЬЕВА Е. Н.: Семантико-стилистическая характеристика глагольного ядра ввода конструкций с прямой речью (в русском языке) // Slavika, Slovacei, Br. Вып. 10, 1975, ЮОС, № 3.
- ХРАКОВСКИЙ В. С.: О правилах выбора «вежливых» императивных форм (опыт формализации на материале русского языка) // Известия АН СССР, серия литературы и языка, т. 39, №3, 1980.
- ПРОНИЧЕВ В. П.: «Новый звательный» в рассказах В.М. Шукшина // В. М. Шукшин. Жизнь и творчество. Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции 20-21 июля 1989. – Барнаул, 1992.
- ХИСАМОВА Г. Г.: Функции обращения в художественной прозе В. М. Шукшина // В. М. Шукшин. Жизнь и творчество. Вып. 2 – Барнаул, 1994.
- БОГОМОЛОВА О. В.: Глаголы этической оценки и концепция национального характера у В.М. Шукшина // Провинциальная экзистенция. К 70-летию со дня рождения В. М. Шукшина // Тезисы докладов V Всероссийской конференции 21-23 июня 1999 – Барнаул, 1999.
- ЧАО ШУАНСИНЬ. – там же.
- ШУКШИН В. М.: До третьих петухов. Повести. Рассказы. М.: Известия, 1976.